

Часть первая

Глава 1

Облака густые, тяжелые и светлые, как будто горы из первого снега. Они низко плывут по небу над темной рекой. Плывут, в морозном декабре, обдавая реку снежным холодом. Только вот река почему-то не замерзает. Должна встать, скованная льдом, но все никак. Течет река Волга.

— Машина вот стоит, а Риммы нет! — Среднего роста, хорошо одетый мужчина указал на «Мазду» красного цвета.

Автомобиль стоял у самой воды: место безлюдное, с дороги машину не увидеть — мешал кустарник. Берег низкий, пологий, удобный для купания; возможно, в летнее время это место использовалось как пляж. В двух-трех километрах вверх по реке дымил и шумел горно-обоганительный комбинат, где работала пропавшая Сухаркова.

— Когда вы машину обнаружили? — осматривая берег, спросил майор Павлов.

Погода сухая, почва твердая, трава, следы ног на такой сохраняются плохо.

— Сегодня утром. И сразу к вам.

— А как вы обнаружили машину?

— По телефону.

— А телефон в машине?

— И телефон, и сумочка с документами...

— Сумочка.

Павлов осторожно открыл переднюю дверь со стороны пассажира. На правом переднем сиденье лежала открытая дамская сумочка, в ней виднелся смартфон в красном чехле. И кошелек — такой же красный. Вынимать Максим ничего не стал.

— В кошельке есть деньги? — спросил он, обращаясь к мужу пропавшей женщины.

— Я не знаю! Не смотрел!

— Почему?

— Римма же не просто так пропала! Ее могли похитить!.. Преступники могли оставить отпечатки пальцев... Вы же из полиции, вы должны это понимать!..

— Могли похитить? — Максим внимательно смотрел на Сухаркова, ожидая правдивого ответа.

Не его это дело — выезжать на такие вот мелочи. Он же не опер, занимающийся розыском пропавших без вести; майор Павлов — начальник отделения уголовного розыска. Более того, заместитель начальника полиции по оперативной части. Не всей полиции, только криминальной, но тем не менее. А выехать пришлось, потому как у этой криминальной полиции появился вдруг новый начальник. Майор Стасов. Егор, конечно, достоин

столь высокого назначения, Максим даже не пытался возражать, но все равно обидно. Не до боли, нет, слегка, но обидно. А Стасову все равно, он уже всю чувствует себя большим начальником. И уже снизошел до Сухаркова, который в своем настойчивом требовании заняться розыском жены дошел до него самого. И не в службу, а в дружбу попросил Максима принять меры. А начальству отказывать не принято, тем более уважаемому.

— Могли похитить! — И Сухарков так же пылливо смотрел на Павлова, но в ожидании подвоха.

— А ограбить не могли?

— Так кошелек же на месте...

— А деньги?.. Может, кошелек оставили, а деньги унесли. Или карточки.

— Карточку... Да, банковские карточки, — кивнул Сухарков.

— Вот видите!

— Дело в том, что у нас общий счет... Нет, у Риммы есть и свой счет... Деньги с карточек не снимались, — пожал плечами мужчина.

— А телефон?.. Вы звонили жене?

— Нет... То есть да.

— Звонили или нет?

— Ночью нет. Утром позвонил.

— А ночью почему не звонили?

— Ну как вам сказать...

Максим присел перед водительской дверью, осмотрел землю. Трава, твердый грунт, и все же он заметил мелкие углубления в почве. Похоже, длинный тонкий каблучок.

— Какую обувь носит ваша жена? — спросил он, обращаясь к Сухаркову.

— Как это какую?

— Туфли на шпильках носит?

— На шпильках? — на мгновение задумался Сухарков. — На шпильках носит!

А следы от шпилек вели к реке. Следов от подошвы невооруженным глазом не разглядеть, зато тонкие каблочки отпечатывались четко. Римма вышла из машины, какое-то время стояла на месте, переминаясь с ноги на ногу, а затем зашла в воду. В этом месте следы заканчивались. Неужели поплыла в одежде?

Максим вернулся к месту, где какое-то время пропавшая Сухаркова стояла, переступая с ноги на ногу. Возможно, она все-таки разделась, перед тем как отправиться в ледяную купель. Но тогда где одежда? Сумочку с кошельком и телефоном оставили, машину не угнали, а одежду забрали? Нелогично.

— Что вы там все сморите? — клацнув зубами, спросил Сухарков. Его вдруг хватил озноб, похоже, нервный.

— Книгу открываю. — Максим посмотрел ему в глаза. — Теперь вот буду читать.

— Что читать? — не понял мужчина.

— Вы звонили вчера вашей жене?

— Я же говорил, нет.

— Я еще не спрашивал, почему?

— Ну, видите ли...

— Постарайтесь отвечать быстро и четко. Или вымерзнете. Изнутри... Кстати, а чего вы так волнуетесь?

— Я волнуюсь?! — удивился Сухарков.

— А разве нет?

— Ну, конечно, волнуюсь!.. Пропала моя жена! — Мужчина окинул взглядом реку.

— Утонула?

— Почему утонула?

— Ну, если зашла в воду... Или ее столкнули?

Следов борьбы Максим не заметил, скорее всего, Сухаркова вошла в воду сама, без посторонней помощи. Но, возможно, ей угрожали оружием.

— Я не знаю... Я не знаю, что здесь произошло! — Сухарков решительно мотнул головой. — Именно поэтому я вызвал полицию! У вас опыт, у вас техника... Собаки, в конце концов!..

— Почему вы не звонили жене?

— Потому что мы фактически в разводе.

— Фактически? То есть официально вы еще в браке?

— В браке.

Максим выразительно глянул на «БМВ Х5», на котором к месту происшествия подъехал Сухарков. Машина не новая, но и далеко не старая. И одет он прилично, кожаная куртка с норковым воротником, не из дешевых. Причем приобрели ее совсем недавно.

— Если вы думаете, что меня волнует проблема раздела имущества... — на одном выдохе проговорил мужчина.

— Сейчас, может, и не волнует, — усмехнулся Максим.

— А ведь я знал!.. Знал! — Сухарков пафосно воздел к небу руки. — Что меня во всем обвинят!

— В чем во всем?.. Я, например, не знаю, что здесь произошло. Может, вы знаете?

— Не знаю! Потому и обратился в полицию!

— Значит, все-таки знаете, что здесь произошло?

— Все, хватит!.. Я уже сто раз пожалел о том, что обратился в полицию!..

— Ну почему же! Теперь никто не скажет, что вам безразлична судьба бывшей жены.

— Нет, конечно!.. Я люблю Римму! Я очень ее люблю!

— Тогда почему разводитесь?

— Может, потому что Римма не любила меня.

— Почему не любила?

— Почему не любила?.. Это личное, можно я это опущу?

— Я спросил не о личном, я спросил о временном. Почему вы говорите о жене в прошедшем времени. Вы знаете, что ее нет в живых?

— Откуда я знаю? — побледнел Сухарков.

— Может, все-таки расскажете?

— Я не знаю ничего.

— Ну да, — хмыкнул в кулак Павлов.

Сколько таких ничего не знающих убийц и насильников перевидел он на своем не столько уж длинном веку. Сколько раз его пытались обвести вокруг пальца такие хитрецы, как Сухарков. Сам убил жену, устроив ей ледяное купание, сам же в полицию и сообщил. Неужели он думает, что он один такой оригинал?

— В прошедшем времени Римма меня не любила. — Сухарков поднял правую ногу, как будто собирался топнуть ею.

— А в настоящем времени что с ней?

— В настоящем времени... В настоящем времени Римма не хочет, чтобы я от нее уходил. Говорит, что все изменилось.

— В настоящем времени она вас любит?

— Можно сказать и так.

— И где она вас любит? Где она сейчас?

— А вам смешно? — зло сощурился Сухарков.

— Мне интересно. Смотреть, как вы все повернули. Не любила, потому что любит.

— Знаете, есть такая поговорка, стерпится-слюбится. А мы с Риммой уже почти двадцать лет в браке... Да что я вам говорю! Вам самому-то сколько лет?

— Это к делу не относится. А дело будет. По факту исчезновения вашей супруги. И дно мы обследуем. — Максим с тоской глянул на реку.

Широка река, глубока река, а вода холодная просто жуть. Искать утопленника в таких условиях дело сложное, а ждать, когда тело всплывет, — безнадежное. В холодной воде труп разлагается дольше, чем в теплой, может пройти месяц, а то и больше, прежде чем трупные газы раздуют его и вытолкнут на поверхность. А если Сухаркова утонула в одежде, то к этому сроку нужно накинуть недельку, а то и две. К этому времени река точно покроется льдом, так что труп всплывет не раньше марта. Если всплывет...

— Зачем дно обследовать?

— А вы не знаете, что ваша жена вошла в реку? — Павлов невольно поежился, представляя, как Сухаркова погружается в ледяную воду.

— А вы знаете?.. Что вы там видели? — Сухарков направился к месту, откуда его жена предположительно вошла в воду.

Но Павлов его удержал. На всякий случай он пришлет эксперта, пусть осмотрит место происшествия, обследует машину. Сумочка там лежала на пассажирском сиденье, это говорит о том, что Сухаркова приехала одна. Но все равно салон нужно осмотреть. А Сухаркова хорошенько допросить. Вдруг проговорится, откроет правду.

* * *

Четырехэтажный пентхаус, тысяча «квадратов» многомиллионной роскоши, бассейн, к счастью, без крокодилов. Все это хорошо, но как же быстро Артем устал от роскоши. Хотелось бы чего-нибудь поскромней, попроще. Он уже закинул удочку, подобрал участок у реки, наймет фирму, дом построят быстро. Он знает, как это делается, знает, каким должен быть его дом.

— Ты сегодня какой-то грустный! — Ева капризно смотрела на него, подперев подбородок кулачками.

— Да нет, все нормально.

Почти месяц они вместе, но Ева ему ничуть не надоела. Пентхаус ее опостылел, а сама она — ничуть. И она не утратила свежести ощущений, по-прежнему исправно поднималась по утрам, своими руками готовила ему завтрак. Но все могло измениться в любой момент. Девушка она избалованная, мужским вниманием не обделенная. Сколько у

нее было этих мужчин. И еще может быть. Ей всего тридцать два года, вся жизнь впереди.

— Вечером тебя жду, — уже у лифта сказала она.

— Вечером, — окинув ее взглядом, кивнул Малахов.

Как магнитное поле, созданное электрическим током, притягивает металл, так Ева своей красотой влекла к себе Артема. А Ева такая доступная, халат снимается легко, тело под ним обнаженное, оно такое сочное, такое упругое. И очень-очень податливое...

И все-таки Артем не опоздал, на службу прибыл минута в минуту. Принял доклад, развел суточный наряд, провел совещание. Стасова и Павлова оставил на закуску. Один майор возглавлял криминальную полицию, другой — уголовный розыск со всеми его направлениями. Одним словом, его надежда и опора. А ведь Егор и Макс числились за штатом, когда прибыли с ним к новому месту службы. В патрульно-постовую службу определил их, потому как в уголовном розыске отсутствовали вакансии. Ничего, и должности нашлись, и справедливость восторжествовала. Начальника уголовного розыска и заместителя начальника полиции по охране общественного порядка вывели за штат. За предательство. Подполковнику Ожогину Артем тоже не доверял, поэтому поставил его перед фактом: он или увольняется, или переходит на охрану общественного порядка; тот выбрал второе. Ходит дуется, но молчит, а что он может сказать? В чем подполковник Малахов не прав? И ненадежен Ожогин, и с инициативой у него туго, исполнительность также

не на высоте. Зачем Артему такой зам? Стасову не хватает опыта, ему еще многое нужно постичь на своей новой должности, но ему можно доверять, и это главное.

Доверял Малахов и Павлову, и очень хотел видеть его на месте Ожогина, но все-таки отдал предпочтение Стасову. Егор и старше, и выглядит более солидно... В общем, выбор сделан.

— Что там у нас по водолазам? — спросил Малахов.

Вчера он лично обращался в МЧС по заявке Павлова, водолазы работали до темноты, труп не нашли, но все еще возможно.

— Работают водолазы, — развел руками Макс. — Сейчас поеду посмотрю, как там.

— Может, зря работают? — спросил Артем.

— Может, и зря... — Павлов посмотрел на него расстроенно, но прямо в глаза. — Может, никто и не тонул. Может, жена решила напугать мужа.

— Напугать?

— Чтобы крепче любил!

— Интересная версия.

— Я так понял, в этой семье не все ладно. Жена не любила мужа, а когда он ушел к другой, вдруг резко полюбила. Ну, это на первый взгляд. Со слов Сухаркова. Как там на самом деле, нужно выяснять. Эксперты проводили осмотр, в машине, кроме пропавшей, никто больше не находился. Даже пальчиков мужа не нашли. И телефон, звонки входящие, исходящие, но я пока в это дело не вникал и Сухаркова всерьез не тряс.

— Сначала труп, — кивнул Стасов.

— Так в том-то и дело... — невесело глянул на него Павлов. — Пока трупа нет, не разговор будет, а болтовня. А вот если появится труп... У меня уже много вопросов к Сухаркову.

— Сам утопил жену, сам сообщил, — предположил Стасов.

— Говорит, что у любовницы ночевал, — сказал Павлов. — У своей будущей жены.

— А бывшая жена решила набить себе цену? — рассуждая, спросил Малахов.

— В лучшем случае. А в худшем... Не нравится мне этот Сухарков, — покачал головой Павлов.

— Но тем не менее труп не найден.

— Трупа нет, а дело все равно придется завести.

— Кто она такая, эта Сухаркова? — спросил Малахов.

— Начальник отдела кадров на горно-обогательном комбинате.

— Отдела кадров всего комбината?

Горно-обогадительный комбинат принадлежал младшему брату Лазареву, производство фосфорных солей и удобрений — старшему. Виталий Лазарев — личность известная. Артем имел подозрения на его счет, возможно, братья Лазаревы стояли за убийством его предшественников на должности начальника отдела МВД. Убедительных доказательств получить не удалось, но кое-какие факты косвенно на них указывали. Причем неоднократно. Так, человек Виталия Лазарева — Горбин — собирался убить несчастного Козоева, имевшего неосторожность обидеть Еву. Но это мелочь по сравнению с

авантюрой, на которую Лазаревы пошли в ноябре. Борщевик подставился под удар из-за председателя профкома фосфорного комбината, которого убили его люди, а Лазарев попытался усугубить вину авторитета. В Павлова и Стасова стреляли, ребята могли погибнуть, киллеров нашли, но, как оказалось, преступники только делали вид, что работают на Борщевика. На самом деле за ними стояли братья Лазаревы, правда, доказать это не удалось. Человек, связующее звено между киллерами и братьями, бесследно исчез. Наверняка он унес тайну в могилу.

Братья Лазаревы до сих пор за границей, но их сестра в городе и находится под защитой Малахова. Такой вот карамболь. Артем должен держаться от Евы как можно дальше, а у них любовь. Они живут вместе. И он ничего не может с собой поделать.

— Да нет, не всего. Начальник отдела кадров автобазы комбината, — качнул головой Павлов. — Карьерные самосвалы и прочее.

Малахов в раздумье глянул на него. Как ни крути, автобаза — это собственность Георгия Лазарева, вдруг исчезновение Сухаркиной как-то связано с ним.

— И все равно подозрительно.

— Может, с Лазаревым как-то связано? — глянув куда-то в сторону, спросил Стасов.

И он, и Макс — все знали о Еве и не совсем удачном выборе подруги своего начальника. Не с той женщиной он живет, но так сердцу же не прикажешь. И очень хорошо, что друзья это понимают.

— Очень может быть, — кивнул Малахов. — Поэтому берешь это дело под личный контроль. Если

трупа нет, ищите, выясняйте, куда делась живая Сухаркова... А водолазы пусть работают.

Малахов глянул на телефон. Надо будет позвонить начальнику центра обеспечения действий по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям, поговорить, объяснить, попросить. Неподходящая сейчас погода для подводных погружений, но поиски прекращать нежелательно. Вдруг Сухаркову все-таки утопили.

* * *

Улица как улица, ничем не примечательные частные дома из красного или белого кирпича, блочные, оштукатуренные и побеленные — все из прошлого века, даже тысячелетия. Один только дом новый, большой двухэтажный, и принадлежал он Сухаркову. Откатные ворота закрыты, во дворе собака, на звонок никто не выходит. Время рабочее, а у Сухаркова своя строительная фирма, судя по всему, довольно успешная. Впрочем, Максим и не надеялся застать хозяина дома. С ним он говорил вчера, а сегодня хотелось бы поговорить с соседями. А потом уже к Сухарковой на работу съездить, путь неблизкий, но ехать надо.

Из дома никто не выходил, зато соседи дали о себе знать. Кто-то хлопнул палкой по ковру. Этот звук Максим знал хорошо: его мама не очень-то доверяла пылесосам, и время от времени ему приходилось выходить на улицу и выбивать ковер. Не так уж и давно это было.

— Что там? — тихо спросил Стасов.

Он, может, и большой начальник, но на Малахова забивать не собирался. Сказано, взять дело Сухарковой под личный контроль, значит, отрывай задницу от стула и впрягайся в работу простого опера. Впрочем, Егор тому только рад.

Максим не ошибся, в соседнем дворе выбивали ковер, навешенный на газовую трубу, подходящую к дому. Труба не очень толстая, а невысокая, щуплая женщина молотила с такой силой, какой позавидовал бы профессиональный молотобоец. Труба и вибрировала от ударов, и шаталась, а ей хоть бы хны. Ну хлынет газ из разлома и что?

— Гражданочка! — крикнул Стасов.

Женщина остановилась, смахнула пот со лба, только затем развернулась к нему и ярко, жизне-радостно улыбнулась. Женщине явно за сорок, но для своих лет она выглядела довольно-таки молодо. «Маленькая собачка до старости щенок», — подумал Максим, глядя на соседку Сухаркова.

— Майор полиции Стасов! — представился Егор, вынимая из кармана удостоверение.

Женщина кивнула, подошла к нему, но выбивалку из рук не выпустила. Максим настороженно смотрел на нее. Щенок она или нет, но удар у нее будь здоров, если приложится, мало не покажется.

— Соседи жалуются, трубу шатаете, а вдруг лопнет, вдруг взорвется. С газом шутики плохи! — предостерег Стасов.

— Какие соседи? — подбоченилась женщина, глянув в сторону, где жили Сухарковы.

А разделительный забор довольно-таки высокий, сплошной, из профлиста, так просто на соседний участок не заглянешь.

— Ну какие! — И Максим глянул на этот забор, дал понять, что женщина не ошиблась в своих подозрениях относительно того, кто именно на нее жаловался.

— На себя пусть посмотрит!

— Кто пусть посмотрит?

— Сами знаете кто!

— И чем же гражданка Сухаркова вам не угодила?

— Не угодила!.. Всем угодила, а мне вот не угодила! — хмыкнула женщина.

И куда только делась ее задорная улыбка. Знал Стасов, как зацепить собеседника за живое.

— Кому всем?

— Да есть тут один... Или даже не один!..

— Так, может, он и пожаловался на вашу трубу?

— Кто? Матвей?!

— Это Матвею Сухаркова угодила? — спросил Павлов.

На ум пришла фамилия Тельников. Максим просмотрел список входящих звонков на телефон Сухарковой, один номер принадлежал Тельникову Матвею Ивановичу. А звонил он Сухарковой чуть ли не всю ночь. И вчера днем звонил, и сегодня с утра. Максим пробивал.

— Может, и угодила! — Женщина подозрительно покосилась на Стасова. Кажется, до нее кое-что стало доходить.

— На самом деле нельзя выбивать ковер на газовой трубе... — сказал Стасов. — Как вас звать-величать?

— Инна Степановна... Игольникова... Паспорт нести?

— Инна Степановна, ваша соседка интересуется нас по другому делу. Исчезла Римма Дмитриевна.

— Исчезла?

— Как уехала позавчера, так до сих пор нет.

— Позавчера утром?

— Почему утром?

— Ну, если вечером ее не было... Утром слышала, как уезжала...

— А вечером не слышали?

— Нет, вечером тихо было.

— Ни жены, ни мужа не слышали?

— Ну, мужа-то я слышала.

— Позавчера? — глянув на забор, спросил Максим. Интересно, как Игольникова отличает на слух мужа от жены? Или не отличает?

— Нет, вчера. Утром. Ну и вечером приезжал. Сразу потом уехал.

— И больше не появлялся?

— Нет, как вчера уехал, так до сих пор тихо.

— Вы видели Сухаркова Илью Даниловича?

— Нет, слышала... Звук мотора его машины слышала. У Риммы бензин, работает тихо, а у Ильи дизель, не так тихо.

— Понятно.

— А я еще думаю, куда это Римма подевалась!

— А муж две ночи не ночевал.

— Ну да, тихо было... Может, ищет ее?.. Может, она с Матвеем уехала?

— Да, вы говорили про Матвея, — напомнил Стасов. — Кто он такой?

— Говорила? — Игольникова покосилась на Егора, осуждая себя за излишнюю болтливость, а его — за любопытство.

— Почему Римма Дмитриевна могла с ним сбежать?

— Ну, может, и сбежала.... Матвей тут рядом живет, я не знаю, дома он или нет, надо бы глянуть, посмотреть... Может, правда, сбежали!

— Любовь?

— Еще какая!.. Римка Матвея всю жизнь любила. А вышла за Илью. Мы с ним всю жизнь соседи, уж я-то знаю.

— Дом вроде бы новый.

— Илья сразу же строиться начал, как на Римке женился. Все для нее! Все ради нее! А денег не было! Фундамент лет десять заливал, все в старом доме жили. А потом вдруг деньги появились, так он за два года... А старый дом снесли!

— Детей у них, я так понял, нет.

— Так это Римка!.. Мало кто знает, а я, так уж и быть, скажу! — Игольникова понизила голос и движением ладони пригласила Максима подойти поближе, чтобы он лучше слышал. — Римка ведь аборт сделала! Чтобы от Ильи не рожать!

— Так, может, от Матвея и случилось?

— Да нет. Первое время Матвей в ее сторону и не смотрел, Тонькой своей упивался. А чего так?..

Римка баба видная, а Тонька... Ну ничего особенного!

— Сердцу не прикажешь.

— Ну, так сердце само потом захотело! Тонька медсестрой в больнице работает, как только на дежурство, так Римка к Матвею... Не скажу, что постоянно, каждый день, врать не буду. Это же знаете, как у сумасшедших, летом, зимой ничего, а весной обострение. А любовь — это, скажу я вам, сплошное сумасшествие!

— Улица у вас как-то непонятно называется, — усмехнулся Максим. — Кто такой Жужельников?

— Да, говорят, первый секретарь райкома комсомола. Ну, первый, в смысле по счету первый, с того момента, как комбинат строить начали.

— Устарело название, новое нужно. Товарищ Стасов у нас большой начальник, он может. Улица Санта-Барбары, как вам такое название?

— Да уж, Санта-Барбара у нас еще та! — просияла Игольникова.

— Вы говорите, Илья Сухарков искал свою жену, потому его и не было две ночи. А если у него любовница? Может, он у нее ночевал?

— У кого любовница? У Ильи?!

— А что, такого не может быть?

— Ну что вы, Илья на своей жене помешан! Все ей прощает!..

— А убить он ее мог?

— Убить? — задумалась Игольникова.

— Они когда-нибудь ссорились, ругались?

— Когда-нибудь? Да они дрались! Разнимать их бегали! Как будто нам делать больше нечего!

— И в последнее время тоже дрались?

— А что в последнее время... Ну да, в последнее время тише стало!.. — открыла вдруг для себя Инна Степановна.

— Ну вот видите.

— Так Илья в последнее время дома не ночевал. Иногда только. Я еще думала, может, окончательно рассорились!.. Ну да, тише стало... А теперь что, совсем тихо станет, если вдруг Илья Римму убил... Вы это хотели сказать?

— Пока все это только догадки... А где вы, говорите, Матвей живет?

— В конце улицы... Вернее, в самом начале, дом-то у него номер два... Не видела я его вчера. И позавчера тоже.

— Спасибо вам, — поблагодарил женщину Максим.

Прощаться они с Игольниковой не стали, пообещали заглянуть к ней еще раз. И отправились к Тельникову. Сначала их облаяла собака, затем вышла высокая женщина лет сорока с мелкой завивкой на коротких с рыжиной волосах. И в пальто, надетом на домашний халат. Она-то и сказала, что мужа нет дома.

— А вы, я так понимаю, Антонина? — спросил Стасов, возвращая удостоверение на место.

— Антонина... Игоревна, — кивнула женщина, с интересом глядя на него.

— Вы в хирургии работаете. Я вас видел... — Стасов осторожно провел пальцами по своей простреленной руке.

Рана уже затянулась, перевязь не требовалась, но резкие движения все еще противопоказаны.

— Да, да, я вас помню. Пулевое ранение... Да вы заходите, холодно! — засуетилась женщина.

Она укоротила цепь у собаки, провела гостей в дом, включила электрический самовар. Дом небольшой, кухня маленькая, плита двухконфорочная, водопровод, газовый котел. Чистенько, уютно. И сама женщина приятная в общении.

— Антонина Игоревна, вы нас, конечно, извините, но мне придется задать вам не очень приятный вопрос. Дело в том, что мы разыскиваем Сухаркову Римму Дмитриевну.

— Разыскиваете?!.. Что она натворила? — Тельникова сделала над собой усилие, чтобы сдержать наползающую на губы улыбку. Как минимум она не желала добра своей сопернице.

— Ничего, просто пропала... Где сейчас ваш муж?

— Матвей на работе.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Что значит в последний раз?.. Вчера я его видела, утром, он на работу отправился, я — на смену.

— То есть прошлую ночь вы провели вместе?

— Ну да.

— А эту ночь ваш муж где провел?

— Дома.

— Вы в этом уверены?

— Э-э... Татьяна бы мне сказала...

— Татьяна?

— Наша дочь. Она сейчас в школе. Виктор, сын, уже в институте учится, в Москве второй год.

— А дочь говорит, что отец дома ночевал?

— Ну а для кого она завтрак готовила?.. А почему вы спрашиваете? Из-за этой, из-за Риммы?

— Я же говорю, не очень приятные вопросы. Скажите, ваш муж мог сбежать с Риммой?

— Куда? От кого? Зачем?

— Да вот сорока на хвосте принесла, говорят, любовь у них неземная.

— Да какая там любовь! — Тельникова набрала в легкие воздух, как будто для того, чтобы сдержать подступившие к глазам слезы.

— Нет?

— Какая может быть любовь, если она шлюха?

— Сухаркова?

— Ну, может, и любовь... Только Матвей ее не любит!

— То есть между ними ничего нет?

— Сейчас нет и раньше не было. Долго не было... Ну а потом он сорвался. Он же мужик! Здоровый мужик! А эта бл... Прости, Господи!.. Эта дрянь на шею ему вешалась, проходу не давала.

— И вы это терпели?

— А что мне, по-вашему, убить ее надо было!.. А вы что, меня в чем-то подозреваете? — спохватилась Тельникова.

— А с Риммой Дмитриевной что-то случилось? — спросил Павлов, внимательно глядя на женщину.

Вдруг она знает то, о чем они еще только догадываются. Вдруг это она и порешила свою соперницу?

— Ну вы же сказали, что она пропала!

— Может, просто квартиру где-нибудь сняла. И живет... Собирается жить с вашим мужем.

— Квартиру сняла? — задумалась Тельникова.

— Может, вы знаете, где она может быть?

Женщина мотнула головой. Не знала она, где искать Сухаркову. И ничего нового про свою соперницу не сказала. И признаваться в ее убийстве не стала. Максим решил закончить разговор. Сначала нужно узнать, где Тельникова находилась в момент преступления, тогда уже можно продолжать расследование. Но когда наступил он, этот момент? К месту, где нашли машину, Сухаркова подъехала позавчера, четырнадцатого декабря в шестнадцать двадцать, Максим пробил это через телефон. Но было ли совершено преступление?..

— Кому-то любовь, а кому-то рога, — невесело улыбнулся Стасов, усаживаясь в машину.

— Это ты про Тельникову?

— И про Сухаркова.

— А сама Сухаркова?.. Ее муж утверждает, что у него есть любовница. Даже адрес дал. А Игольникова не верит...

— А жизнь она такая, мягкая булка когда-нибудь зачерствеет. Взял да и влюбился на старости лет... Где там у нас любовницы живут?

— У нас не знаю, а у Сухаркова — улица Советская, дом тридцать восемь... И квартира тридцать восемь.

Авгеева Дарья Федоровна работала воспитателем, Максим знал номер детского сада, но все же решил для начала заехать к Августовой домой. И не прогадал. Во дворе у подъезда стоял внедорожник

«БМВ» со знакомыми номерами. Дверь открыла миловидная девушка лет двадцати пяти, нежные черты лица, женственность в каждом движении. Волосы зачесаны назад, губы накрашены едва-едва, помада не слизана, тушь под глазами не размазана. Не похоже, что девушку оторвали от интересного занятия с женатым мужчиной.

— А нам бы Сухаркова Илью Даниловича увидеть! — мило улыбнулся Максим, раскрывая удостоверение.

— А-а... Почему вы думаете?.. — замялась девушка.

— А что вы так переживаете? Скажите, что Сухарков кран чинит... Илья Данилович! — позвал Павлов.

— Ну здесь я, и что? — спросил появившийся Сухарков.

Костюм на нем, галстук снят, но рубашка застегнута на все пуговицы кроме верхней. Правильно застегнута, видно, Сухарков одевался не торопясь.

В кармане у Максима зазвонил телефон, он достал мобильник, глянул на дисплей.

— Слушаю, товарищ подполковник!

— Ну что я могу сказать, водолазам слава, — совсем не весело проговорил Малахов. — А Сухарковой вечная память.

— Нашли?

— Нашли. В одежде. И без следов физического насилия.

— Сейчас подъедем, глянем.

Павлов закончил разговор и выразительно посмотрел на Сухаркова.

Глава 2

Ледяная вода замедляет, но не останавливает процесс разложения тканей. Гниение уже тронуло лицо женщины, а еще кожа сморщилась от долгого пребывания в воде. Но Сухаркову хватило быстрого взгляда, чтобы узнать в покойнице жену. Обхватив руками голову, он опустил перед ней на колени, даже открыл рот — в немом вое.

— Узнали? — взяв его за руку, спросил Стасов.

— Это Римма! — сдавленно простонал мужчина, медленно поднимаясь на ноги.

Труп нашли метра в ста от брошенной «Мазды». Течение прибило тело к берегу, там оно зацепилось за корягу. Труп мог бы и не всплыть, хорошо, что Максим обратился за помощью к водолазам.

— Метров пятьдесят от берега отплыла, — сказал старший водолазной группы, мужчина с маленькими глазами и крупным носом. — Я знаю это место, течение здесь боковое, к берегу быстро прибывает.

Водолазы уже закончили работу, переоделись, собрались уезжать.

— Далеко отплыла, — кивнул Павлов.

— До последнего плыла. Видно, подальше хотела, чтобы не нашли.

— Чтобы не нашли, хотела? — пожал плечами Павлов.

Возможно, Сухаркова действительно ушла из жизни добровольно. С любовником не ладится, муж ушел, а еще дурная слава, вся улица тычет

пальцем в спину. Вот и нахлынуло, бросила все и в реку с головой... Все возможно, тем более что следов насилия пока не видно. Ни царапин на лице, ни синяков на шее, и одежда целая, если не считать вывернутого кармана, которым пальто зацепилось за корягу.

— Ну, если это суицид.

— Если... Спасибо вам огромное!

Водолазы уехали, а Максим вернулся к Стасову и Сухаркову.

— Где вы находились позавчера в районе шестнадцати часов? — спросил Егор.

— На объекте я находился, мы котельную ремонтируем.

— Кто может подтвердить?

— Да кто угодно! И прораб мой, и заказчик! И ребята наши там работают...

— А когда с объекта уехали? — спросил Максим.

Он отработал и телефон Сухаркова, просмотрел историю перемещений и не обнаружил его пребывания на месте преступления. Но разве не мог он отдать свой телефон кому-то, например заму? Просто подбросить в машину, и пусть возит с собой, а потом мог забрать.

— Ну в районе семнадцати... Да у меня регистратор в машине! На нем все записано! Не мог я убить Римму!

— А кто-то говорит, что вы могли убить?

— Да вы мне дырку во лбу сейчас выжжете, так смотрите! — скривился Сухарков.

— А сейчас вы где должны быть? — обращаясь к нему, спросил Максим.

— На работе должен быть... К Даше заскочил вот на минутку, а тут вы.

— Ну да. — Максим выразительно глянул на Стасова.

Дашу они так и не допросили, а надо бы. Может, она причастна к смерти Сухарковой. Может, любовник приезжал к ней, чтобы обговорить детали состоявшегося убийства, а то вдруг заврется на допросе. А потребность такая возникла, когда появились водолазы. Возможно, Сухарков и не рассчитывал на такую активность со стороны полиции, думал, дело спустят на тормозах.

— Надо бы нам тоже на минутку к Даше заскочить, — сказал Стасов.

— Вам? — озадаченно глянул на него Сухарков.

— А вдруг она что-то знает.

— Что она может знать?

— А чего вы так волнуетесь, Илья Данилович? — Павлов жестко взял мужчину под руку. — Может, совесть нечиста? Так вы скажите, мы поможем снять груз с души. Чистосердечное признание — это, знаете ли, похлеще исповеди, грехи отпускаются автоматически. На том свете вам ничего не будет...

— Скажите, у вас оружие есть? Охотничье ружье, например? — подхватил Максим.

Следов насилия нет, но, возможно, потерпевшую толкнул в воду страх перед выстрелом в спину.

— Да, есть ружье. Дома, в сейфе, а что?

— Вы знали, что ваша жена не умела плавать?

— Кто не умел плавать, Римма? Да она отлично плавала. Когда-то норматив кандидата в мастера спорта выполняла.

— В теплой одежде много не проплывешь.

— И что?.. Хотите сказать, что это я ее плыть заставил?

— Не знаем. Пока не знаем. Будем выяснять. Место, конечно, тихое, людей не видно, но, поверьте, даже на Луне можно найти свидетеля. Если очень хорошо постараться... Так что, если совесть нечиста, добро пожаловать на исповедь.

— Бред какой-то! Какая совесть? Не убивал я Римму! Не мог я ее убить! Потому что люблю! Вы даже не представляете, как я ее люблю.

— А как же Даша?

— Даша!.. Даша моя отдушина! Мне с ней легко и просто... Да и ребенок... — Сухарков осекся, в раздумье приложив пальцы к виску.

— Что ребенок? — поторопил его Стасов.

— Не хотел говорить, но раз уж слово за слово... Даша ждет от меня ребенка.

— Для вас это очень важно?

— Для меня это безумно важно... И вообще...

— Что вообще?

— С Риммой я больше не мог! Двадцать лет она меня душила! Двадцать лет мне не хватало воздуха. Мне не хватало жизни!

— Вы говорили, что ваша жена вас любила.

— И пыталась остановить... Я даже уходил от Даши! Но Римме нужен был не я, а мои... А-а! — махнув рукой, простонал Сухарков.

— Вы называли Дашу вашей будущей женой. Вы собирались делить имущество с вашей настоящей женой?

— Нет! В том-то и дело, что нет! Я оставлял ей дом, я оставлял ей все!..

Максим в раздумье качнул головой. Дом у Сухаркова отличный, к тому же свой, а с Дашей предстояло ютиться на съемной квартире. Может, Даша и подговорила его расправиться с женой. Или даже сама это сделала... Максим видел Дашу, девушка с таким ангельским лицом не могла пойти на убийство. Но и увести мужа из семьи не всякая сможет. А Даша смогла. К тому же она ждала ребенка, а материнский инстинкт штука сильная. Стасов кивнул, глянув на Максима, и велел ехать к Авгеевой. Сам он остался в ожидании группы, которая уже находилась в пути. Да и ружье гражданина Сухаркова надо бы осмотреть.

Даша быстро открыла дверь, всполошенно взглянула на Максима. Она знала, куда и зачем увезли Сухаркова.

— А где Илья? — спросила она.

— Дает показания.

— Показания?! — захлопала глазами девушка.

— Свидетельские... А вы думали, признательные? — улыбнулся Максим, внимательно глядя на нее.

— Да нет, не думала. — Девушка отвела взгляд.

— А разволновались так, как будто подумали... Я пройду?

— Да, конечно! — обрадовалась Даша поводу сменить тему разговора. Хотя бы на минуту-другую сменить.

На кухне она усадила Павлова за стол, поставила чайник.

— Илья Данилович сказал, что вы работаете в детском саду.

— Да, воспитателем.

— А сегодня разве выходной?

— Сегодня отгул, — смущенно улыбнулась девушка. — Мы в две смены всю прошлую неделю работали, вот, передышку дали.

— А вчера вы работали?

— Вчера работала.

— А позавчера?

— И позавчера.

— А Илья Данилович?

— Илья тоже работал.

— Может, он позавчера с женой как-то общался?

— Как-то, может, и общался. Там все сложно. Для нас очень сложно... А для меня тем более, — немного подумав, добавила Даша.

— С работы он вернулся к вам?

— Да, ко мне.

— В каком состоянии? Может, он был чем-то взволнован?

— Ну, он всегда со мной как на иголках. Переживает, что ко мне ушел.

— Давно он так переживает? Как давно вы познакомились?

— В апреле познакомились, я шла по улице... Сначала просто встречались, потом вот здесь стали жить...

— Римма Дмитриевна пыталась вернуть мужа?

— Да, пыталась. Такой овечкой прикинулась! Он даже ушел... Целый месяц с ней жил... Ну так, иногда приходил... Я думала, уже все, а он пришел, сказал, что больше так продолжаться не может.

— Что не может? Как так?

— Ну не любит его Римма! Не любила! Никогда не любила! И он это терпел. Очень долго терпел. А когда она стала притворяться, что любит, он стерпеть не смог. До тошноты, сказал, это притворство. Уж лучше никак, чем так...

— Может, он хотел решить этот вопрос как-то кардинально? — осторожно спросил Максим.

— Что кардинально? Какой вопрос?.. Вы думаете, что это Илья убил свою жену?

— А кто говорит, что ее убили? Может, она покончила жизнь самоубийством?

— Кто покончил жизнь самоубийством, Римма?! Она?! Да она лучше всех вокруг убьет, чем сама!..

— Кого всех?

— Да хотя бы меня!

— А попытки были?

— Попытки чего? — смутилась Даша, настороженно глянув на Павлова.

— Убить вас?

— Ну, это я так, к слову. — Девушка отвела взгляд в сторону.

— А может, все-таки была попытка? — спросил Максим, с подозрением всматриваясь в Авгееву.

За живое он ее зацепил, потому и прячет она глаза. Вряд ли Римма Сухаркова пыталась ее убить, тут скорее наоборот. Может, Агеева сама пыталась

свести с ней счеты. Внешне она хрупкая, нежная, но Игольникова, например, тоже выглядела хлипкой, но какой у нее удар, Максим до сих пор под впечатлением.

— Да не было никаких попыток! — Даша, казалось, заставила себя посмотреть ему в глаза.

— Может, с вашей стороны что-то было?

— С моей стороны?! — искренне возмутилась девушка. — Вы в своем уме?

— Вы меня извините, работа у меня такая хамская, и не хочешь обидеть человека, а приходится.

— Не бывает хамской работы, бывают хамские манеры! — успокаиваясь, сказала девушка.

— Знаю! И каждый день виню себя. Как прихожу с работы, так сразу к стене... — Максим взял Дашу за руку, пальцами заставил прикоснуться к своему лбу. — Чувствуете мозоль?

— Мозоль?! Нет у вас там ничего!

— Моральная мозоль. Я же не дурак, чтобы биться лбом об стену натурально! А морально каждый день! И всю ночь. Даже во сне!

— Лбом об стену? — Даша опустила руку.

— Наказываю себя за хамские манеры. Могу даже в угол встать.

— Во сне?

— Увы, другого времени нет. От рассвета до заката... Чай, кстати, у вас вкусный.

— Чай как чай!

— Не обижайтесь... Просто в жизни иногда случается. Когда женщины убивают из-за мужчины.

— Я бы не стала.

- И сами убивают, и киллеров нанимают.
- Киллеров?!
- У вас есть знакомый киллер?
- Опять вы! — рассердилась Даша.
- Ну вы же видите, я шучу.
- Не вижу! Откуда у меня может быть знакомый киллер?
- Нет? — Максим улыбался, как будто на самом деле шутил.

Но на Дашу смотрел внимательно, вдумчиво. Сейчас она возмущалась искренне. И возмущалась, и удивлялась — действительно, откуда у простой красивой девушки может быть знакомый киллер? Но в то же время она фальшивила, когда речь шла о Сухарковой, о попытке убийства с ее стороны. Может, все-таки была попытка?

- Нет, конечно!
- А у Риммы?.. Может, у нее был знакомый киллер?
- Я откуда знаю? — На этот раз взгляд у Даши дрогнул. Слегка, но тем не менее.
- Может, все-таки знаете?
- Да что вы ко мне пристали? Откуда мне знать, кто там у нее знакомый?
- Не знаете?
- Нет!
- Ну так и скажите.
- Так и говорю! Не знаю!
- Так и скажите, что не было никакого киллера.
- Так не было никакого киллера! — И снова у Даши возникло желание отвести взгляд в сторону, Максим почувствовал это.

— А почему вы оправдываетесь?

— Я оправдываюсь?! — вздрогнула девушка, вне себя от возмущения глядя на Максима.

— Что в этом такого, если Сухаркова пыталась вас убить? Вы же живы?

— Да, я жива.

— И киллер жив.

— Да не было никакого киллера!

— Может, Сухаркова сама пыталась вас убить?

— Может, и пыталась!.. — немного подумав, сказала Авгеева.

— Так может или пыталась?

— Ну не то чтобы пыталась... Угрожала!

— Угрожала?.. Когда?

— Я с работы возвращалась, она подъехала, встала на пути... Не хочу рассказывать! Такая мерзкая сцена!

— Насколько мерзкая?

— Настолько, что она меня ударила! — Даша провела пальцем по своей щеке. — И угрожала! Сказала, что мне не жить!

— Понятно.

— От нее тогда спиртным сильно пахло.

— Когда тогда?

— Да недели две назад... А дня через три... — задумалась Даша и замолчала.

— Что дня через три? — поторопил Авгееву Максим.

— Или через четыре! — быстро глянула на него девушка. — Илья ко мне вернулся! Да, на четвертый день после этого!

Павлов едва не цокнул языком, глядя на нее. Опять Авгеева вильнула. Не об Илье она хотела что-то сказать, а о чем-то другом. Или о ком-то.

Максим свернул разговор, поблагодарил за чай и ушел, оставив под столом «жучок». Их со Стасовым девиз оставался неизменным: «Работать в строгом соответствии с законом! Но как всегда!»

* * *

Следов насилия нет, присутствия посторонних на месте преступления в предполагаемое время не просматривалось. Но Стасов не верил в самоубийство. Да и Малахов сомневался.

— Баба она боевая, хабалистая, — сказал Егор. — И красивая. Как ведьма... Такие не стреляются, не топятся... Такие только сжигаются.

— Если ведьмы, — усмехнулся Артем.

— Ну, мужа она заколдовала, двадцать лет мучила. И любовнице его досталось. Вплоть до рукоприкладства. Ударила, угрожала... Возможно, даже предпринималась попытка убийства.

— Возможно?

— Ну, Макс так считает. Авгеева занервничала, когда разговор зашел о киллере.

— Которого она могла нанять?

— Могла и нанять... Сама вряд ли, а на пару с Сухарковым запросто.

— А сам Сухарков не мог?

— Алиби у него. Да и ружье из сейфа уже месяц как не вынималось.

— Но киллера они нанять могли?

— Сухарков мог. У него строительная компания, приезжих много работает. А приезжий — это уже само по себе характеристика. Слабые и нерешительные на печи лежат, а приезжие, они, как правило, люди активной жизненной позиции.

— Надо бы отработать по этим приезжим.

— Пока только отработали по месту работы Сухарковой. Говорят, весь день все нормально было, работала не грустила, после обеда что-то случилось, нервная стала. В общем-то, она всегда нервной была, а тут просто как с цепи сорвалась, на помощницу свою ни за что наорала. А потом куда-то уехала. И с концами.

— Когда уехала? Может, ей в это время кто-то позвонил, что-то сказал.

— Да нет, помощница сказала, что никто не звонил. Сидела, о чем-то думала, потом посмотрела на часы, сорвалась и уехала. А звонили ей за час до этого. Тельников звонил, ее любовник.

— Тельникова допрашивали?

— Макс к нему поехал, тот с работы должен вернуться... А вообще, Макс больше Сухаркова подозревает. И его любовницу. «Жучок» поставил, послушать хочет, о чем там он со своей Дашей говорить будет.

— «Жучок»? — усмехнулся Малахов.

— «Жучок».

— Без санкции?

— Ну как всегда!

— Как всегда... Завтра все снять!

— Завтра, — кивнул Стасов.

— Если сегодня ничего не наслушаете... Может, Сухаркова сама в реку бросилась, а мы тут воду в ступе!..

В дверь постучали.

— Да! — отозвался Малахов.

Но дверь не открывалась, в кабинет никто не входил. Снова постучали.

— Да!

Но дверь так и оставалась закрытой. В конце концов ее пришлось открыть Стасову.

— Разрешите? — раздался звонкий голос из коридора.

— Да разрешаю!

— Разрешите?

Наконец-то порог переступил молодой, лет двадцати с небольшим, офицер. Ростом выше среднего, худощавый, подтянутый, в новенькой форме с лейтенантскими погонами. Прямоугольное лицо, высокие, четко выраженные скулы, крепкий нос, волевой подбородок. Внешне лейтенант Кудылин выглядел эффектно, но каким он окажется на поверку, Малахов мог только предполагать. Летом окончил академию МВД, всю осень служил в ГИБДД, и не где-нибудь, а в межрайонном регистрационном-экзаменационном отделе, куда его пристроили родители. А вот недавно подал рапорт на перевод в уголовный розыск, куда его звала мечта детства. А Малахов этот рапорт подписал, тем более что имелась свободная вакансия. Опыта у Кудылина нет, одна только теоретическая подготовка, но зато ему можно будет доверять. Хотя бы потому,

что он еще не успел кому-то продаться. Впрочем, и в других операх отдела сомнений все меньше. Работают ребята, дело движется.

— Товарищ подполковник, лейтенант Кудылин прибыл в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы! — молодежато отрапортовал парень.

— Прохождение — это для проходимцев, — едва слышно сказал Стасов.

Лейтенант на него даже не глянул, как будто не услышал, но ухом все-таки повел. Малахов сурово глянул на Егора. Он, может, и начальник полиции, но слова ему не давали.

— А у нас нужно служить, — сказал он, продолжая мысль подчиненного.

— Так точно!

— Машина есть? — спросил Малахов.

— Никак нет!

Малахов пожал плечами. Насколько он понимал, родители у Кудылина небедные, со связями, если смогли протолкнуть сына в дорожную инспекцию на тепленькое местечко. Скорее всего, и машину ему купили, но на службу брать не разрешили. На службе в уголовном розыске ведь под пулю можно попасть — и с машиной, и без.

— Ну нет и нет. — Малахов потерял интерес к подчиненному.

Нет, Кудылин ему и без машины нужен, но не в данный момент. Свободный служебный транспорт в дефиците, а нужно отправлять человека к Авгеевой, в квартире у которой Макс установил «жу-

чок»... Впрочем, он мог отправить туда Кудылина и без машины, за подъездом и со скамеечки понаблюдать можно. Даже плюс в этом есть: машину не заминируют. Как это однажды случилось с Павловым.

— Нет, машина есть! — спохватился лейтенант. — Но не служебная!

— С девушками знакомиться умеешь? — спросил Малахов.

— Э-э, — замялся Кудылин, и его гладкие щеки покраснели.

— И не надо.

— Да нет, умею! — Кудылин расправил плечи.

— Не надо, говорю. Тем более что не за девушкой будешь следить, а за объектом.

— За каким объектом?

— За девушкой.

— Да? — поморщился лейтенант.

Он понимал, что девушка может быть объектом наблюдения, но вдруг это все-таки не совсем одно и то же. Озадачил его начальник.

— За красивой девушкой... — уточнил Стасов. — Любовницей подозреваемого в убийстве.

— Улавливаешь мысль? — спросил Малахов. — Меня, когда я в уголовный розыск пришел, на кражу бросили. Лампочку в подъезде кто-то выкрутил, а тебе убийство поручают.

— Спасибо, товарищ подполковник!

— Спасибо скажешь, когда преступника удержишь... Давай! — Малахов посмотрел на Стасова и кивком указал на Кудылина.

Далеко не факт, что Сухаркову убили, может, она все же покончила жизнь самоубийством. Но работать надо, и Стасов знает, как внушить это подчиненному.

* * *

Зазвонил телефон, и Косте пришлось взять трубку. Звонила мама.

— Ты где?

— Все там же!

— На задании?

Перед самым носом остановился бордовый «паркетник», машина сдала назад с поворотом вправо.

— Мама! Ты мне мешаешь!

Судя по всему, гражданка Авгеева находилась в квартире одна, но ей могли позвонить. Трансляция с «жучка» записывается, но разговор желательно слушать в режиме онлайн. А мама мешает.

— Мама?! Мешает?! Когда ты служил в ГИБДД, ты не был таким черствым!

— Мама, в ГИБДД я служил еще вчера!

Бордовый «Сузуки» припарковался по соседству с Костей.

— Вот надо было там и оставаться!..

— И медленно умирать! Со скуки!

Кудылин кивнул. В уголовном розыске точно со скуки не умрешь, не успел прийти, а уже серьезное дело. Может, Сухаркина и покончила с собой, но как же интересно доказывать обратное. А общение с людьми? И Авгеева, говорят, хороша собой. И в